

Перед сном я читал стихи Василия Ивановича Белова, а утром и на работе всё думал о них, о поколении детей войны, а потом настало время контрольной работы по истории. Позже я проверял работы учеников, и оказалось, что все не смогли ответить на задание, которое звучало так: «В истории существует значительное число устойчивых фраз и выражений. Укажите, какое событие или явление обозначает каждое из приведённых выражений, и объясните, почему данное событие или явление получило такое название». Самым неузнанным оказалось название статьи Сталина 1929 года «Год великого перелома», которая была написана к XII годовщине революции.

После работы я поехал в Переделкино в гости к семейству Костровых, с которым был дружен уже много лет, а в голове всё крутилось название статьи отца народов. Всплывали строки Пастернака и Вергинского, посвящённые Сталину. Мы пили чай и долго разговаривали с Костровыми. Я завёл разговор о стихах Белова, на что Владимир Андреевич Костров мне ответил: «Мы с Василием Ивановичем вместе работали над редакцией романа «Год великого перелома» перед публикацией в журнале «Новый мир», и в это время он прислал мне книгу своих стихов и написал: *«Не знаю, что получается, но никому не хочу верить, а верю только тебе, скажи, что это*

такое». Прошло время, и Белов позвонил мне, и я ему ответил: *«Василий Иванович, ваши стихи не надо редактировать. Это стихи простодушные, что очень любил Пушкин, и они могут оказаться интересны. Нет никакой ни интеллектуальной, ни чувственной зашоренности»*.

Дома я вновь читал стихи Василия Ивановича и вспоминал строки из романа «Год великого перелома»: *«...но Сталин редко замечал несобственные обиды...»* Куда было «шашлычнику» или «семинаристу», как называли вождя народов троцкисты, замечать обиды народа, последствия этих обид, многолетнюю горечь, которая ещё успеет перерасти в вековую безутешность. Этот кровавый рубец на сердце русского народа впитался в сознание, исходящая от него боль передаётся на генетическом уровне, не даёт спокойно спать, запрещает врать самому себе, заставляет быть, а не казаться.

Пожалей меня, пощади,
С грозовой не своди дороги,
Чтоб горел и горел в груди
Неуёмный огонь тревоги.
Слишком мало в запасе дней,
Слишком многое сделать надо.
Пощади меня, пожалей,
Не считай тишину наградой.
Так бы жить вот, чтобы ни дня

Без ветров ошалелых, резких.
Пострашнее меча и огня
Абажуры да занавески...
Если ж я – что всего страшней —
Поверну с грозовой дороги,
Не щади тогда, не жалея,
Разожги мне огонь тревоги.

(1960)

Я читаю стихи Белова и вспоминаю своего деда Александра Павловича Орлова. Седого, голубоглазого, кряжистого, с могучими плечами, большими кулаками, настоящего русского человека, смолянина, сына врага народа. Вспоминаю его сильным и грустным, смотрящим в окно и ответившим мне, десятилетнему, на вопрос «Кто такой Сталин?» – коротко и непривычно зло: «Эта такая сволочь, Саша!»

Сразу на ум приходят строки из великого беловского романа: *«Прошлогондя поездка в Сибирь ещё раз убедила его в том, что Троцкий по отношению к крестьянству был абсолютно прав. Эти мешки с дерьмом действительно не годятся даже на баррикады. Мировая революция выдохнется и растворится в инертной мужицкой массе»*. Эти «мешки с дерьмом», эта «инертная масса» вынесла всё!

Это великое поколение фронтовиков, сидельцев и их детей учило нас не просто жить, а выживать, и так научить сегодня может только Господь Бог. Как быстро разменивали судьбы миллионов, но как величественно терпение русского народа, он весел и непобедим в своей беде и нищете, и это говорит наша история, очевидцем и летописцем которой был Василий Иванович Белов.

Домик с веником у порога,
С вековой четой берёз,
Он стоит у большой дороги,
Незаметен собой и прост.
На ступеньках лежит рогожа,
Разметён у крылечка снег.
В этом доме любой прохожий
Неприменно найдёт ночлег.
Здесь хозяйка тебя обсушит,
Если ты в дороге промок;
Тёплым словом согреет душу,
Принесёт с грибами пирог,
Фотокарточки все покажет,
С вологодскою простотой
О своих сыновьях расскажет,
Что с войны не пришли домой.
От старушки огнём и дымом
Навсегда заслонило их...
Сколько в нашем краю родимом
Вот таких матерей седых.

(1956)

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Как тяжёл и зернист,
Восковой, молодой,
Ячменя колосок усатый.
Здравствуй! Я возвратился домой,
Поклонился бы, что ли, солдату.
Я присяду к тебе, покурю у межи,
На деревню свою полюбуюсь с пригорка.
Кто посеял тебя,
Колосок, Расскажи,
Может, мама,
А может, сестрёнка?
Я так много дорог
По земле прошагал
На морозе, в жару и ненастье
Для того, чтобы ты,
Колосок, выросстал
Полновесным предвестником счастья.
Вырастай же!
Приду к тебе скоро опять,
Пусть поит тебя влага земная...
Видишь, мама торопится
Сына встречать,
И смеётся, и плачет родная.

(1956)

ЮНОСТЬ

Нас жизнь повстречала
Не воплями джаза,
Не запахом вин,
Не трясучкой фокстрота.
Вложила упрямство
В сердца до отказа,
Спецовку дала
И послала работать.
Зажаты мозоли
Мальчишеской горстью,
Защиты штанины
И рукавицы.
Мы встретили зиму —
Холодную гостью —
Жарищей в крови,
Пузырями на лицах.
Мы спали в палатках
Совсем не для форса!
А утром вставая
С промёрзших постелей,
Кляли холода
И работников ОРСа
И шли в заваруху
Таёжных метелей.
Тропинка с комочком
Замёрзшей синицы.
Дымится пурга
Над верхушками елей,
А где-то, а кто-то
Под ручку с девицей

Вразвалку бродил
По зелёным аллеям.
Нет, думали мы
О таких без обиды.
Балбесы и девицы
Розовой масти,
Мамашины детки
Стиляжного вида
Не портили наше
Громадное счастье!
Дымились костры,
Котлованы зияли,
Гремели цепями
Бетономешалки,
И тех, кто не нюхал
Цемент и стали,
Нам попросту было
Немножечко жалко.
Чернели глазницы
Оконных проёмов,
Росли корпуса,
Кирпичами краснели.
А тех, что сидели
Безвыездно дома,
Мы попросту
Искренне очень жалели.

(1959)

Традиционалист Белов не впадает в радикальное безумие, в чёрствое неприятие, он искренне жалеет поклонников и поклонниц чуждого его миропониманию эволюционного эпатажа, любителей Миллера, Гудмана, Эллингтогна, Пресли... Но разве сегодня мы не с отвращением смотрим на показательные выкрутасы маменькиных сынков? Разве не с уважением относимся к людям целеустремлённым, выстроившим свой мировоззренческий фундамент?

Полагаю, что я не ошибусь, если предположу, что почти у всех поэтов поколения детей войны есть стихи, посвящённые Николаю Рубцову. Как-то раз мне сказал Владимир Костров: *«Ты знаешь, существовали поэты более изобретательные, чем Рубцов, но такой души ни у кого не было. Неким образом Рубцов, видимо, лучше всех нас передал тип поэта, рождённого в деревне и опалённого войной, а таких, как мы, было много... Я сам слышал, как незадолго до смерти его стихотворение "До конца, / До тихого креста / Пусть душа / Останется чиста!" читали актёры Олег Борисов, Георгий Жжёнов...»* Посвящение другу есть и у Белова:

НА СМЕРТЬ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

О, как мне осилить такую беду —
явилась и тучей нависла.
Не скроюсь нигде, никуда не уйду
от этого подлого смысла.

Подсчитано всё, даже сны и шаги.
Как холят тебя и как любят!
Но губят меня не они, не враги, —
друзья уходящие губят.

Как будто позор предстоящего дня
узнали и — рады стараться —
один за другим, не жалея меня,
в родимую землю ложатся.

Мне страшно без них! Я не вижу ни зги,
ступаю, не чувствуя тверди.
Кого заклинать: не отринь, помоги,
в безжалостный час не отвергни?

Ни Бога, ни Родины... Лишь Мавзолей,
и звёзды, воспетые хором,
и, тихо мерцающая, светило полей
горит над бессонным Угором.

(1971)

Белов в стихах и прозе показывает, как человеку, на первый взгляд в нечеловеческих условиях, не превратиться в животное. Это так легко и так тяжело. Каждый из нас инстинктивно и рефлексивно направлен на самосохранение, именно поэтому мы выбираем социальные роли, моделируем поведение, стараемся предугадать ход действий, предвидеть последствия. И такая действенная неповторимость ведёт каждого. Как часто герои Белова выявляют двойственную натуру человека, но всё это в прозе. А стихи? Стихи представляют нам коренную и многовековую боль народа, который умеет и любить, и прощать. Народа, разделённого на палачей и жертв. Если вдуматься, то становится безусловно, что только русский человек будет пить густой лагерный чай со вкусом, воспринимать его как что-то особенное, потаённое, как возможность прикоснуться к великим бедам, стать братом истинным страдальцам, врагом всемогущим негодьям. И в этот момент, когда жгучий настой будет согревать его дух, душу и тело, он становится блажен от тепла, оттого, что становится сопричастен к горестям, и ему хорошо, ведь он частица великого народа, испытывавшего, казалось бы, уже всё что только можно, но нет, внутренний голос нашёптывает нам: всё ещё только предстоит. И мы ждём! Чего? Сами не знаем, но ждём, ибо есть на наше ожидание высшее суждение.

НОВОГОДНЯЯ ПЕСНЯ

Анатолию Заболоцкому

Когда вокруг ни друга, ни врага,
когда толпа знамёнами полощет, —
на горький дым родного очага
я каждый раз иду как бы на ощупь.

В лесном краю никто меня не ждёт,
кольцом ворот побрякаю для вида...
В моём окошке тает синий лёд,
а в сердце тает горькая обида.

Клубится в небо белый-белый дым,
едва умоюсь снегом белым-белым,
я становлюсь как прежде молодым,
я становлюсь удачливым и смелым.

И в этот час печная головня
дороже мне, чем телефонный вызов.
Пускай друзья пируют без меня,
пусть не меня дурачит телевизор.

Перед огнём родного очага
я голубую полночь повстречаю
и в тишине за друга и врага
налью густого лагерного чаю.

(1985)

Белов был чист и обманут, как был обманут
каждый человек, родившийся и живший в Совет-
ском Союзе, и причина этого обмана — наша вера.
Такова наша национальная особенность. Мы,
идеалисты и романтики, умеем верить, и этим
пользуются все и всегда. Поэтому Белов пишет
в стихах тепло о Ленине и Брежневе... Но разве
он был такой один?

ВСТРЕЧА

Бережит мне сердце встреча эта.
Я тогда увидел Ильича,
Не в богатой раме из багета,
Не в густых сполохах кумача.
Не сверкали радужные люстры,
Не играли марши на трубе,
Было тихо, холодно и пусто
В деревенской рубленой избе.
Не забуду вырезочку эту
Из простой газетной полосы.
Примостившись краешком к портрету,
Тихо, тихо тикали часы.
Тикали ритмично, осторожно,
Словно потакая тишине.
Был приклеен, видимо, картошкой,

Тот портрет к бревенчатой стене.
Тишина была больнее раны,
Тишина такая — хоть кричи.
Жили в доме только тараканы
Да больная бабка на печи.
Мне в глаза смотрел Ильич с укором,
Не прощал ни капельки вины,
И дымил я горьким беломором
В тишине убогой старины.
...Мы и эту хворость одолели,
На своём же вынесли горбе,
Вновь качают бабки колыбели
Чуть не в каждом доме и избе,
Подоспели новые события,
Тишина которым нипочём.
Всё равно до смерти не забыть мне
Ту избу и встречу с Ильичом.

(1961)

Все, кто верил в светлое будущее и кто не
верил в него, писали о гигантских свершениях
и великих кормчих. В густых кумачовых споло-
хах воспитывали детей. Мы все умели искренне
радоваться жизни, незабвенно дружит, тайком
бояться в кухнях и спальнях.

Помню, как мама встретила меня из школы,
и это было удивительно, так как я перемещался
самостоятельно, взяла за руку и сказала: «Умер
Брежнев».

Я сразу ответил: «Так говорить нельзя. Он не
умер».

Мама настаивала на своём: «Нет, умер, взял
и умер».

Мы пришли домой. Бабушка подтвердила мне
смерть генерального секретаря КПСС, но этого
оказалось мало, и я позвонил папиной маме, она
тоже удостоверила меня в происшедшем. Дове-
рие к женщинам было исчерпано, и я попросил
дедушку к телефону, и только слова деда, ветера-
на войны, коммуниста, заставили меня принять
смерть Брежнева. Мне было семь лет. Я учился
в первом классе.

Время меняло всё, менялись руководители
коммунистического государства, и я вспоминаю,
как в год новомирской публикации романа Белова
«Год великого перелома», когда с экранов теле-
визоров, на радио, в газетах и журналах непре-
станно разоблачали высших должностных лиц
СССР, будучи в гостях у деда, я спросил: «А ты
не хотел бы сдать свой партийный билет?» В от-
вет я поймал суровый взгляд, и сквозь зубы он
ответил: «Я нет! За эту страну я воевал, я вос-
становливал её после войны, я честно трудился,
а те, кто крали, вот пусть и сдают».

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

Как тяжело подчас в пути!
Тернист, неровен наш большак.
И всё же надобно идти
За шагом шаг.
Когда я очень устаю,
Когда не мил и белый свет,
Я из кармана достаю
Свой партбилет.
И ярко-красный переплёт —
Такая сила пышет в нём —
Усталость сонную сожжёт
Своим огнём.
Я мало жил,
Но сколько раз
В дороге он меня учил,
Он для меня без пышных фраз
Красноречив.
Огонь былых и новых битв
Людей земли с крошечной тьмой
В нём ярым пламенем горит
И гонит в бой.
Не тот ли свет,
Не тот ли жар,
Не подаваясь чёрной мгле,
Октябрьский запыхал пожар
На всей земле?
А искры не того ль огня
Буравят космос, губят ночь,
Всё устаревшее гоня,
Сметая прочь?
Припомню это,
И опять
Я полон сил. Сомнений нет.
Не защищаться — нападать
Зовёт билет!

(1961)

Прозрение ко многим героям Великой Отечественной войны послевоенного трудового строительства и горячих пятилеток пришло позднее, но это всегда лучше, чем никогда, и это явил и Белов:

Кто накормит страну?

Модное восклицание

С дубовых трибун и с гнилых парапетов,
блюдя митинговую вашу страду,
не стыдно ли вам перед белым-то светом
истощно орать: «Накормите страну!»?
Хотите забыть грабежи и расправы
и слёзы детей в заполярном снегу?
Но даже в дыму алкогольной отравы

я эту обиду забыть не могу.
Учили меня вы пером и наганом,
стыдили, корили под красным гербом,
когда бунтовал — нарекли хулиганом,
когда я терпел — обзывали рабом.
Прощаю вам всё: отчужденье столицы
и светлого Севера чёрную ночь,
но хлеб из чужой, из заморской пшеницы,
поверьте, жевать не хочу и невмочь.
Я всех накормлю...
Но оставьте в покое
на Древней Земле, у травы молодой!
Не трогайте избу мою над рекою
и белую церковь над синей водой!

(1990)

Что надо русскому человеку, взгляд которого хранит бедствия репрессий, ужасы войны и её последствий, привыкшего жить беспокойно, что нужно ему, когда, кажется, земля ушла из-под ног? Только Божий дом и родная земля. Об этом и писал Белов в окаянные девяностые, хотя эти годы сатанинского разлома народов стали для некоторых золотыми или святыми.

На родине моей сегодня листопад.
Октябрь стриждёт лесную шевелюру.
В пустых полях, за древними домами
Усатой рысью ходит тишина,
И только слышно, как в стальное небо
Вбивает осень журавлиный клин,
Да тракторный усталый рокоток
В последний раз дробится над землёй.
Не жди меня, весёлая страна,
Тебе нужна твоя пора покоя,
Укутывайся снежной телогрейкой,
Дыши глубоко свежими ветрами,
Пусть отдохнут от летней канители
Родимые ложбины и бугры.
А я боюсь покоя своего,
Как раз уснёшь
И больше не проснёшься —
Спокойствие души
Необратимо...

(1965)

Мы жили и живём в странной стране! Стране, где национальная черта воспринимать боль как ниспосланное свыше, приводит к мученическому подвигу, счастливому ожиданию высшего света, словно каждый из нас знает слова блаженного Максима Московского Христа ради юродивого чудотворца: «Хоть люта зима, но сладок рай».